

строились перед оградой. Оруженосцы и конюшие пешими стояли позади крупов их коней, лучники же и арбалетчики впереди. Вместе с ними были и двести пеших рыцарей, которые потеряли своих коней. Они неподвижно и настороженно застыли перед своим ограждением, и это было весьма мудро, ибо коль скоро они атаковали бы врага в долине, то греков было такое множество, что наши воины, так сказать, потонули бы в них.

Казалось, будто вся равнина покрыта войсками врагов, которые медленно и в полном порядке двигались вперед. Казалось, мы оказались в совершенно отчаянном положении, потому что у нас было всего шесть боевых отрядов, у греков же – близко к шестидесяти и каждый из них был больше любого нашего. Однако наши стояли таким образом, что к ним нельзя было подступиться иначе, как с фронта.

Император Алексей подвел своих людей так близко, что один фланг мог стрелять в другой. Услышав об этом, дож Венеции отдал своим людям приказ спускаться с башен, которые они захватили, и сказал, что хочет жить или умереть вместе с пилигримами. Он двинулся к лагерю вместе со всеми, кого только мог взять с собой, и сам первым сошел на землю.

Армии крестоносцев и греков долго стояли друг против друга, потому что греки не осмеливались напасть на наши ряды, а наши не хотели отдаляться от ограды лагеря. Когда император Алексей III оценил ситуацию, он начал отводить свои войска и как только собрал их, то повернул к городу. Видя это, крестоносцы медленно двинулись по направлению к ним. Греки начали отходить, пока не оказались под защитой дворца Филопатриона.

Заверяю вас, что Бог никогда не избавлял каких-либо людей от большей опасности, чем та, от которой Он спас нас в этот день. Не было в армии ни одного человека, пусть самого отчаянного храбреца, чье сердце не было бы наполнено великой радостью. Битва была остановлена, и по Божьему велению в этот день ничего больше не произошло. Император Алексей III возвратился в город, а наши люди – в свой лагерь. Предельно усталые и утомленные, они сняли доспехи и отложили оружие и снаряжение, а потом немного подкрепились и выпили, ибо у них было мало провизии.

А теперь хочу попросить вас оценить чудеса Господа нашего – как они великолепны повсюду, где Ему угодно их сотворить. Этой самой ночью император Алексей взял из своей сокровищницы денег и ценностей, сколько мог унести, и увел с собой тех из своих людей, которые захотели уйти оттуда. Он бежал, покинув город. Жители Константинополя были глубоко поражены. Они отправились к темнице, где томился ослепленный император Исаак II, облачили его в императорские одеяния, отвели его во Влахернский дворец, где усадили на высокий трон и принесли клятву верности как своему государю. А затем по указанию императора.

Исаака II отправили посланников к цесаревичу Алексею и баронам сообщить, что узурпатор бежал и что жители Константинополя восстановили на троне его брата Исаака II, как законного императора.

Едва только молодой цесаревич услышал это, он известил маркиза де Монферрата, который немедленно созвал графов и других сеньоров со всего лагеря. И когда они собрались в шатре сына императора Исаака II, цесаревич рассказал им эту новость. Радость их при этом известии была столь велика, что ее невозможно описать, ибо никогда не было на свете большей радости; и все они с великим благочестием воздали хвалу Господу нашему за то, что он за такое короткое время оказал им поддержку, и из столь плачевного положения, в котором они находились, так их возвысил. Вот почему можно сказать: «Тот, кому Бог захочет помочь, тому никакой человек не в состоянии причинить зло».

Глава 10 СОГЛАШЕНИЕ С ИМПЕРАТОРОМ

Июль–ноябрь 1203 года

С рассветом наши люди начали облачаться в доспехи и готовить оружие, потому что они не слишком доверяли грекам. Из города один за другим выходили вестники, и все они рассказывали одно и то же. Предводители крестоносцев в согласии с дожем Венеции решили, что направят послов в город, чтобы разузнать, как там обстоят дела. Коль скоро то, что им поведали, окажется